ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 21.09.2020 | Дмитрий Тренин

Крушение отношений

Дело Навального закрывает эпоху партнерства России и Германии. Геополитическая ситуация становится более рискованной.

Дело об отравлении Алексея Навального стало поворотным пунктом в отношениях России и Германии. Собственно, детали самого дела, до сих пор во многом неясные, уже не важны. В Берлине в сентябре 2020 года принято важнейшее для немецкой внешней политики решение: Германия больше не будет проводить в отношении России какую-то особую политику. Не будет пытаться понять мотивы другой стороны, стремиться к взаимопониманию и хотя бы минимальному взаимодействию. Берлин не станет выступать и в роли переводчика с русского политического языка на западные, не будет как ответственный за связи с Россией разъяснять Москве позицию своих союзников.

Эта особая роль, которую Федеративная Республика и ее канцлер играли в последние годы, ушла в прошлое. Теперь Германия по отношению к России – как все остальные в Западной Европе. На уровне риторики это означает принципиальное оппонирование кремлевской внешней и внутренней политике, жесткую критику тех или иных конкретных шагов Москвы, большую солидарность в этом смысле со странами Восточной Европы. На уровне экономики многие ожидают отказа от проекта газопровода «Северный поток – 2». В любом случае эпоха больших российско-европейских энергетических проектов, по-видимому, завершилась. На уровне дипломатии вероятно существенное ограничение официальных контактов и, возможно, приостановка диалога на высшем уровне.

Вряд ли президент Путин, давая разрешение на экстренную эвакуацию Навального из Омска в Берлин, предполагал такой оборот событий. Скорее можно предположить противоположное: он рассчитывал на взаимодействие с Ангелой Меркель, на совместный – при помощи Германии – выход из неприятного инцидента без новых потерь для репутации России.

Можно попытаться представить себе, как отреагировал Путин на

заявление Меркель про отравление Навального «Новичком». Удар в спину – это самое мягкое, что приходит в голову. Личные отношения с иностранными лидерами имеют для Путина важнейшее значение при проведении внешнеполитического курса. С другой стороны, для рационально мыслящего российского президента отрицательный результат – тоже результат. И этот результат он будет иметь в виду.

Это означает, что не только Берлин закрывает открытую Горбачевым эпоху доверительных, долгое время дружественных отношений с Москвой. Страницу переворачивает и Москва. То, что 30 лет назад, в момент воссоединения Германии, виделось не только историческим примирением, но и залогом будущих дружественных отношений и тесного сотрудничества между двумя народами и государствами, само отошло в прошлое.

Отныне Кремль будет рассматривать Германию как несамостоятельное, подконтрольное США государство. Этот вывод будет иметь последствия для ситуации в Донбассе, а также для вступившего в затяжную фазу белорусского противостояния.

Настоящее, в свою очередь, начинает перекликаться с тем, что казалось давно прошедшим. В области риторики, где российская сторона не скрывает возмущения, немецкие обвинения в адрес России сравнивают с поджогом нацистами Рейхстага, в котором тогдашний Берлин обвинил Коминтерн и Москву. В политической области Кремль вряд ли сразу сделает какие-то резкие шаги, но отныне будет рассматривать Германию как несамостоятельное, подконтрольное США государство. Подобно американским, немецкие партнеры теперь для России тоже закавычиваются.

Этот вывод будет иметь последствия для ситуации в Донбассе, а также для вступившего в затяжную фазу белорусского противостояния. Ценность взаимодействия с Берлином и Парижем на этих направлениях – в нормандском или двустороннем форматах – снижается, а диалог с Вашингтоном по Украине и Белоруссии уже давно свелся к взаимным резким предостережениям и не менее жестким отповедям.

Ситуация, таким образом, становится проще и одновременно более рискованной: Россия уже не ждет чего-то от Европы, а потому оглядываться на ее мнение или интересы становится не обязательно. С американцами же давно ведется гибридная война с нулевой суммой. В этой борьбе остается все меньше сдерживающих факторов.

Крушение особых российско-германских отношений стало последним и самым мощным в серии ударов по позициям России в Европе. В ряде стран за последние годы прошумели громкие коррупционные скандалы, которые выбили из седла ведущих политиков, склонных к сотрудничеству с Москвой. Во Франции это были кандидаты в президенты Доминик Стросс-Кан и Франсуа Фийон, в Италии – вице-премьер Маттео Сальвини, в Австрии – вице-канцлер Хайнц-Кристиан Штрахе.

В других странах – Испании, Греции, Болгарии, Черногории, Чехии, Словакии, Норвегии – были раскрыты российские заговоры или выявлены шпионы, что привело к охлаждению отношений с Россией. Наконец, поистине вселенское звучание приобрел скандал с отравлением Сергея Скрипаля и его дочери в английском Солсбери.

В Европе практически не осталось государств, власти которых относились бы к России нейтрально-положительно

Западные «коллеги», как сейчас принято говорить, сработали стратегически, зачистив свою половину поля от враждебного влияния. В результате в Европе практически не осталось государств, власти которых относились бы к России нейтрально-положительно. Так что решение Меркель передать вопрос о судьбе «Северного потока – 2» на уровень Евросоюза выглядит как окончательный приговор.

Любые спецоперации – свои или чужие – рассчитаны на то, чтобы эффектным ударом изменить обстановку в свою пользу. В стратегическом отношении, однако, успех спецопераций далеко не всегда оказывается долговременным. Часто они бывают скорее эффектными, чем эффективными.

Дело Скрипалей появилось в момент, когда в некоторых европейских странах – через четыре года после украинского кризиса! – наметилось стремление пересмотреть санкционную политику. В результате пересмотр отложили. Дело Навального случилось тогда, когда проявилось стремление избежать нового жесткого раскола Европы, теперь уже как следствия американо-китайской конфронтации.

Пафос этой статьи заключается не в том, что оба отравления – провокации с той или иной стороны. Он в том, что, несмотря на скандалы и другие препятствия, важные интересы Европы, включая Германию, и соответствующие интересы России требуют взаимодействия и сотрудничества и что периодически возникающие

скандалы эти интересы не подавляют, а только время от времени заглушают. Поэтому надо сдерживать эмоции и смотреть на вещи шире.

Всем в Евро-Атлантике нужно помнить, что российско-германское примирение – такая же важная опора европейской безопасности, как примирение германо-французское. Такое примирение – подлинное чудо современной истории, учитывая незаживающую травму гитлеровской агрессии, огромные масштабы разрушений и многомиллионные жертвы войны.

Вернуть российско-германские отношения ко временам партнерства ради модернизации Европы от Лиссабона до Владивостока в обозримом будущем нереально, но пока еще есть возможность остановить их переход в фазу враждебности.

Не стоит пугать себя и окружающих призраками Молотова и Риббентропа – особенно сейчас, когда вместо попытки очередного раздела Восточной Европы между Москвой и Берлином борьба идет за то, какого соседа Россия получит под Смоленском. Не стоит радоваться возрождению германо-российской вражды. Это не укрепит НАТО. Германия, возможно, быстрее выполнит обязательство увеличить военные расходы, но эти траты не повысят безопасность Европы. Не стоит уповать ни на помощь со стороны, ни на устойчивость ядерного сдерживания. Последнее дает только гарантию уничтожения, а не спасения.

Российско-германские отношения ухудшаются уже почти десять лет. Вернуть их ко временам партнерства ради модернизации Европы от Лиссабона до Владивостока в обозримом будущем нереально, но пока еще есть возможность остановить переход российско-германских отношений в фазу враждебности.

Для этого нужно снизить градус публичной риторики, провести собственное самое тщательное расследование того, что произошло с Навальным на российской территории, и выработать детально аргументированную позицию перед обсуждением вопроса в Организации по запрещению химического оружия.

Эта позиция должна быть убедительной прежде всего для российского общества. Подход «мы не знаем, что произошло, но у нас имеется десять версий того, что могло произойти» не сработал ни в случае Литвиненко, ни с уничтожением малайзийского лайнера, ни со Скрипалями. Не сработает он и в деле Навального.

В отношениях с Берлином лучше взять паузу. Пусть немцы сами решают, нужен ли им еще один газовый поток из России. Пусть они сами решают, кто после Германии станет основным экспертом ЕС по России – Польша или Литва. Пусть определяются с преемником Меркель и вообще с будущим своей партийно-политической системы. Не наше дело.

Через некоторое время поиск взаимопонимания с Германией на новой основе – соседства, предсказуемости и взаимной выгоды – нужно будет возобновлять. Для Москвы сейчас важнейшая задача в Европе – не упустить Белоруссию, как бездарно упустили Украину; не дать ни Лукашенко обмануть Путина, ни Путину обмануться в белорусском народе. Ну и, конечно, в русском тоже.

Материал подготовлен Carnegie.RU в рамках проекта «Россия – ЕС: развивая диалог», реализуемого при поддержке Представительства ЕС в России.

Дмитрий Тренин
Москва

Дмитрий Тренин – директор Московского Центра Карнеги и один из ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики.